

Сергей Абашин

Idil Tunçer-Kilavuz. Power, Network and Violent Conflict in Central Asia: A Comparison of Tajikistan and Uzbekistan. New York: Routledge, 2014. 149 pp. ISBN 978-0-415-74241-2.

Сергей Абашин. Адрес для переписки: Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 3А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. s-abashin@mail.ru.

В сентябре 2015 года заместитель министра обороны Таджикистана, по утверждению правительства республики, предпринял попытку переворота, а затем бежал со своими сторонниками в горы, где, после непродолжительного сопротивления верным таджикскому президенту войскам, был убит. В прошлом этот чиновник входил в состав оппозиции, которая в 1992–1997 годах воевала с официальной властью, а после примирения получил высокую должность в военных структурах. Мятеж бывшего оппозиционера, как опасались многие эксперты, мог спровоцировать новую гражданскую войну. Однако, несмотря на всю сложность ситуации, никаких массовых столкновений до настоящего момента не произошло. Таджикское правительство не просто удержало ситуацию, ему удалось достаточно легко (по крайней мере, так это выглядело внешне) избавиться от оппозиции, не вызывая массового протеста.

Почему в 1992 году боевые действия с теми же лидерами развернулись активно, а спустя 23 года противостояние ограничилось локальными столкновениями? Иными словами – почему случаются или не случаются гражданские войны? Ответ на этот вопрос кажется и простым, и сложным одновременно. Простым – потому что всегда можно сослаться на некоторые структурные предпосылки (внутренние противоречия в обществе, кризисы экономики, международное противостояние и другие причины подобного рода), которые поддаются измерению, подсчету, прогнозированию. Сложным – потому что такого рода структурные предпосылки не срабатывают автоматически. В обществах обычно имеются ресурсы для сдерживания войны, а значит, существуют какие-то еще дополнительные факторы, которые ломают возможные сценарии доконфликтного урегулирования. Эти последние факторы нельзя считать структурными, они являются крайне эфемерными, трудно измеряемыми и прогнозируемыми. Это некоторая стихия, некоторое случайное стечение обстоятельств, какие-то единичные поступки и решения, может быть, даже серия таких действий, которые имеют фатальные последствия. Собственно говоря, главная интрига конфликтологии как отдельной субдисциплины сводится, видимо, к тому, чтобы поймать и объяснить то, что кажется по определению неуловимым и не поддающимся рационализации.

Гражданская война 1992-1997 годов в постсоветском Таджикистане уже неоднократно привлекала внимание исследователей, которые искали ее причины главным образом в структурных особенностях таджикского общества – в слабости национального самосознания и старых конфликтах между кланами, в бедности, в исламизме, в

эффекте, вызванном вмешательством внешних сил (см., например: Бушков и Микульский 1997; Akiner 2001; Atkin 1997; Collins 2006; Jawad and Tadjbakhsh 1995; Roy 2000). Очередную попытку объяснить природу этого конфликта предприняла турецкий политолог Идиль Тунчер-Кылавуз. Автор резонно предположила, что для понимания «веса» каждого из факторов, которые повлияли на возникновение этого конфликта, необходимо сравнить Таджикистан с какой-то другой страной, где при схожих условиях ситуация развивалась иначе. Ее выбор неизбежно остановился на соседнем Узбекистане. Почему при всех исторических и культурных сходствах между двумя странами, имеющими близкий уровень экономического развития и похожее политическое устройство, в одной (Узбекистан) не случилось гражданской войны после распада СССР, а в другой (Таджикистан) это произошло? В этом различии автор видит «загадку», которую, как она полагает, ей удалось разгадать.

Чтобы объяснить, каким образом противоречия превращаются в конфликт, Тунчер-Кылавуз использует модель, разработанную для анализа международных отношений и возникновения войн между странами. Правительства, согласно этой модели, обычно вполне рационально действуют так, чтобы избежать рисков и потерь, неизбежных при масштабных военных действиях, поэтому создаются различные балансы, которые должны уравновесить силы и интересы всех сторон и предотвратить эскалацию конфликтов. Если страны начинают преувеличивать свои возможности или недооценивать возможности друг друга, то балансы нарушаются, и вероятность военного столкновения возрастает. Автор полагает, что эту схему можно перенести на внутренние конфликты, заменив анализ поведения правительств на анализ поведения элитных групп. Так, по ее мнению, «в Таджикистане война велась между занимающими государственные должности игроками, которые переоценивали свою собственную власть и недооценивали способность оппозиции к сопротивлению, и оппозицией, которая расценивала свою мощь достаточно высоко, чтобы позволить себе сопротивление, а не признание своего поражения, как того требовали находящиеся у власти группы» (с. 6–7).

На возникновение баланса/дисбаланса влияют, как считает Тунчер-Кылавуз, три фактора: долговременные структурные особенности формирования элиты, те или иные события, которые в данный момент усиливают эти структурные черты и переводят конфликт внутри элиты в активную фазу, а также способность действующих участников к мобилизации сетей, что делает массовое насилие неизбежным. Эту «интеракционную» модель автор предлагает в качестве универсальной для объяснения конфликтов.

Книга состоит из четырех глав, в первой автор доказывает возможность сопоставления Таджикистана и Узбекистана, в остальных трех исследуются факторы, которые могли привести или не привести эти страны к конфликту.

В главе «Примеры Таджикистана и Узбекистана в свете теорий и интерпретаций насильственных конфликтов» говорится о том, что две названные страны имеют много схожего в истории, социальной и политической структуре, институтах и государственной политике. Здесь кратко описывается досоветская история, в которой было много взаимодействия и смешения. Подчеркивается близость процессов, проходивших в республиках в советское время, – русификация, кадровая по-

литика, культурная политика, создание одинаковых институтов и общий опыт «деколонизации» после распада СССР. Автор отмечает сходство экономик двух стран – преобладание аграрного сектора (с хлопковой монополией) и небольшая доля индустрии. Впрочем, на мой взгляд, автор увлекается поиском сходств и совсем не учитывает различия, все же имеющиеся между Узбекистаном и Таджикистаном. И это не только масштаб стран – население и территория Узбекистана почти в четыре раза больше, но еще и различие в ресурсах – материальных (в Узбекистане есть большие запасы нефти, газа и золота) и символических (в Узбекистане находятся главные исторические центры региона, такие как Бухара, Самарканд, Хива, Термез и Коканд). К этому можно добавить мощную и непрерывную традицию бюрократии и управления в узбекском случае, которая в советское время была усилена особой близостью к Москве. Каким образом эти различия могли сказаться на постсоветской траектории – вопрос для обсуждения, однако Тунчер-Кылавуз этот вопрос не рассматривает.

Вернемся к модели, которую автор отстаивает. В главе «Сети политической власти» рассказывается об особенностях элитарной структуры двух сравниваемых стран. Сначала Тунчер-Кылавуз отмечает, что элита организована по региональному признаку, причем региональное деление существовало и в досоветское время, но современные конфигурации и значение его оформились именно в советский период – при помощи колхозных институтов, территориально-административного деления внутри республик, особой кадровой политики «коренизации» и поддержки из Москвы определенных группировок. Важное различие между Таджикистаном и Узбекистаном состояло в том, что в первом Москва поддерживала одну региональную группу (ходжентцы), во втором же сменяли друг друга три более или менее равные по влиянию (ферганцы, самаркандцы и ташкентцы), между которыми поощрялась конкуренция.

При этом во второй части этой же главы Тунчер-Кылавуз критикует «региональное» объяснение. Она справедливо пишет, что выходцы из разных регионов занимали важные административные и политические должности, властные сети никогда не были исключительно региональными или, например, родственными, а включали разные типы лояльности – семейные, дружеские, профессиональные и образовательные. В советское время существовала ротация кадров (перевод из одного региона в другой), а общность происхождения (у людей из одного региона) необязательно означала общность интересов. Сами элитарные группы или сети не были постоянными, они могли распадаться и переформировываться заново. Я добавлю к этому, что происхождение нельзя рассматривать как величину, имеющую одно значение: лидеры, которых Тунчер-Кылавуз в своих таблицах причисляет к одному региону, имели также родственников из других регионов, да и внутри регионов существовали значимые подразделения на субрегионы, которые, в свою очередь, могли восприниматься как совершенно отдельные единицы.

Каким же образом объяснение структуры элиты через региональные членения и одновременно критика такого рода объяснений увязаны между собой? Увы, это противоречие Тунчер-Кылавуз никак не пытается разрешить, и обе схемы как бы одновременно живут в ее тексте.

В следующей главе «Переходные контексты, события и процессы» рассматриваются события 1980-х и начала 1990-х годов, повлиявшие на разное развитие Таджикистана и Узбекистана в постсоветский период. Автор упоминает массовые уголовные преследования в Узбекистане чиновников за приписки и коррупцию – «хлопковое дело», серию межэтнических столкновений, в частности, погромы турок-месхетинцев в Фергане и других узбекских городах в 1989 году (которые привели к смене узбекского лидера) и антиармянские беспорядки в Душанбе в 1990 году (которые обострили конфликт внутри таджикской элиты), разную реакцию местных чиновников и оппозиции на попытку переворота в августе 1991 года в Москве и дальнейшую тактику их поведения осенью 1991 и в 1992 году. Основной ее вывод: «В то время, как события в Таджикистане усиливали уже имеющееся у правящей элиты преувеличенное восприятие своей власти и укрепляли восприятие оппозицией своей мощи, события в Узбекистане ослабляли восприятие оппозицией своей мощи и усиливали восприятие режима Каримова своей собственной власти» (с. 79).

Последняя глава «Становление сетей, активизация сетей и специалисты по насилию» посвящена тому, как происходила или не происходила мобилизация сетей и втягивание в насилие масс людей. Тунчер-Кылавуз отмечает, что в начавшемся в Таджикистане конфликте для поиска поддержки были активизированы самые разные лояльности – религиозные, этнические, региональные и политические: «Хотя война не была ни исламской, ни этнической, ни региональной, все эти факторы играли роль в войне как мобилизующие инструменты» (с. 108). В каждом регионе был свой внутренний конфликт, но побеждающая сторона вытесняла оппонентов, поэтому региональная поддержка со временем становилась более гомогенной, то есть не регионализм был причиной конфликта, а конфликт регионализировался. Автор пишет о фигурах посредников, которые связывали разные сети между собой, упоминая, например, таджикского казиза Акбара Турадджонзода, сыгравшего важную роль в переговорах и объединении оппозиции (и противопоставляя ему узбекского муфтия Мухаммада Содыка Мухаммада Юсуфа, занимавшего более осторожную позицию). Упоминается личный конфликт таджикского председателя верховного совета Сафарали Кенжаева и министра внутренних дел Мамадаёза Навджуванова, который привел к мобилизации региональных сетей: после снятия министра его земляки-памирцы, выходцы из Горного Бадахшана, активизировали протест, вступившись за «своих», а их примеру последовали и остальные. Автор отмечает роль «специалистов по насилию», то есть ряда бывших милиционеров, военных и уголовников, которые включились в конфликт и способствовали его эскалации, а также обращает внимание на то, что низовая мотивация участия обычных людей в военных действиях включала в себя месть, солидарность, криминал, угрозы, слухи и провокации. Эта глава, насыщенная этнографическими зарисовками, мне представляется наиболее удачной.

Безусловно, в каждой из глав книги представлено много интересных наблюдений (в том числе сравнительных) о том, как те или иные, заданные или вновь возникающие обстоятельства способствуют или не способствуют переходу общества в состояние внутреннего вооруженного конфликта. Но является ли этот ана-

лиз исчерпывающим? У меня есть несколько вопросов, на которые я не нахожу ответов, читая эту книгу.

Тунчер-Кылавуз основывается в своих рассуждениях на интервью. Как она пишет, таких интервью в Узбекистане было взято 193, а в Таджикистане – 60. Автор указывает, что две трети узбекских и три четверти таджикских интервью – это разговоры с «представителями элиты», к которым она отнесла, не раскрывая имен, политиков, депутатов парламента, чиновников, ученых, «интеллектуалов», представителей оппозиции, журналистов, работников НКО, представителей посольств и международных организаций. О какой-то выборке в данном случае говорить трудно, и речь, очевидно, идет об экспертных оценках. Однако при этом возникает вопрос: собственно говоря, а как и кого Тунчер-Кылавуз выбирала для разговоров и что пыталась выяснить у них? Были ли среди опрошенных активные участники событий, чьи действия и сети автор пыталась реконструировать, или это были всего лишь сторонние мнения наблюдателей или рядовых акторов? Отсылка к «элитарности» не дает понимания характера компетенции интервьюируемых.

Этот вопрос неизбежно преобразуется в сомнение по поводу использования понятия «элита» или «элитные группы/сети», которые понимаются в книге как основные действующие лица и инициаторы конфликтов. Как было отмечено выше, автор сама не всегда ясно понимает, о ком и о чем она пишет. Имеются ли в виду некие четко структурированные центры, которые солидарно принимают те или иные решения, имеют осознанные совместные интересы и способны солидарно осознавать/артикулировать свои планы? Или же это аморфные и сиюминутные коалиции, которые калейдоскопически сменяют друг друга и не имеют ни иерархии, ни строгого состава членов, ни границ с другими коалициями? Это два совершенно разных способа описывать конфликты, но Тунчер-Кылавуз их последовательно не разводит и использует попеременно то один, то другой, что, на мой взгляд, девальвирует сам замысел создания некой универсальной объяснительной модели.

Вызывает вопрос также временной разрыв между описываемыми в книге событиями и моментом взятия интервью – он составляет порядка десяти-пятнадцати лет. Перед нами не свидетельства очевидцев, собранные по горячим следам, а устные истории, которые преломляют прошлое в новом постконфликтном контексте. Этот аспект автор никак не поясняет и не разбирает, не говоря уже о том, что за пределами анализа остается процесс заключения мирного соглашения 1997 года между конфликтующими силами в Таджикистане, события 1999–2000 годов в Узбекистане (попытки военного вторжения оппозиции). Предлагаемая в книге модель объяснения того, почему военный конфликт возник или не возник, относится к жанру рационализации действий акторов и объяснения событий «задним числом», когда ситуация так или иначе разрешилась и мы знаем весь ход истории и последствия. Это создает эффект некоторой неизбежности произошедшего. Между тем хорошо было бы проанализировать развилки и неопределенности истории, услышать голоса непосредственно из того периода, который рассматривается в книге, увидеть разные тенденции и сценарии. Думается, что в книге есть материалы и размышления, которые двигают читателя в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бушков, Валентин и Дмитрий Микульский. 1997. *Анатомия гражданской войны в Таджикистане (Этносоциальные процессы и политическая борьба, 1992–1996)*. М.: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук.
- Akner, Shirin. 2001. *Tajikistan: Disintegration or Reconciliation?* London: Royal Institute of International Affairs.
- Atkin, Muriel. 1997. "Tajikistan: Reform, Reaction and Civil War." Pp. 601–627 in *New States, New Politics: Building the Post-Soviet Nations*, edited by Ian Bremmer and Ray Taras. Cambridge: Cambridge University Press.
- Collins, Kathleen. 2006. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia: The Impact on Regime Transformation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jawad, Nassim, and Shahrbanou Tadjbakhsh. 1995. *Tajikistan: A Forgotten Civil War*. London: Minority Rights Group.
- Roy, Olivier. 2000. *The New Central Asia: The Creation of Nations*. New York: New York University Press.